

«ХОЧУ, ЧТОБЫ МЕНЯ ПОНИМАЛИ»

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА
Г. ЛЕНИНГРАД

1974
23 ИЮНЬ 1974

ДАВАЛИ «ИФИГЕНИЮ». Уже отзвучала пленительная увертюра Глюка. Замерли жалобы страдающего Агамемнона, долженствующего по воле богов принести в жертву любимую дочь Ифигению. Тогда на сцене появилась негодующая и страдающая мать Ифигении — Клитемнестра. И холодноватые античные страсти, раскисленное борение чувства и долга наполнились такой живой кровью, такой силой жизни, что даже тем, кто видел и слышал певицу впервые, стало очевидно, что перед ними — дарование яркое и незаурядное.

Евгения Гороховская окончила Ленинградскую консерваторию в 1969 году по классу профессора Т. Лавровой. И по традиции при-

шла работать в театр, где несколько лет тому назад Татьяна Лаврова была одной из ведущих солисток, — в Академический Малый театр оперы и балета. Дебютировала Гороховская в «Снегурочке» Римского-Корсакова, пела партию Леля. Но, пожалуй, первый крупной работой Гороховской была Ласочка в опере Кабалевского «Кола Брюньон». В этом построенном на контрастах света и тьмы спектакле Ласочка, по-французски изысканная и кокетливая, с неувядающими, мгновенными переливами настроения, но гордая и независимая, казалась самим воплощением света, вольнолюбия и любви к жизни.

Вот это всегда точное ощущение стиля — композитора, литературного источника, эпохи, — такое необходимое для актера, очень помогло Гороховской. Оттого-то, видимо, надолго запоминается слушателям совсем небольшая партия продавщицы клубники в опере Гершвина «Порги и Бесс». Звонкий чистый образ этот возносится над грязью, преступлениями, насилием, в котором живут жители бедного негритянского квартала.

В МИНСКЕ проходил «Фестиваль камерной музыки», на который была приглашена и Гороховская. Молодую певицу не знали в Белоруссии и, чтобы обеспечить себе успех у публики, следовало показать беспроигрышный репертуар, всегда имеющий успех у слушателей. Устроители фестивала без обиняков выразили свое сомнение в успехе, когда Гороховская предложила свою про-

грамму: вокальные циклы молодых ленинградских композиторов Веселова, Тищенко, Пригожина, Гаврилина.

Трудно утверждать, что Гороховская не сомневалась в том, что завоеует незнакомых ей слушателей. Но она спела концерт так, что в Минске заговорили не только о превосходном ленинградском меццо-сопрано, но и об одаренных молодых ленинградских композиторах.

Когда эти вокальные циклы прозвучали в сольном концерте Евгении Гороховской в Малом зале имени М. И. Глинки Ленинградской филармонии, мы вновь смогли убедиться, как точно ощущает певица стиль исполняемого произведения. Каждый романс, каждая песня в исполнении Гороховской — маленькая повесть, всегда напряженная, всегда драматичная. Певица выступает в этой миниатюре как актриса, пропускающая через сердце каждую ноту, каждое слово. Каким трагизмом и какой женской самоотверженностью звучат «Три песни на слова Цветаевой» Тищенко: «Вечерние поля в росе, над ними — вороны... — Благословляю вас на все четыре стороны». И мгновенная смена психологического состояния — «Русская тетрадь» Гаврилина. «Что, девчоночки, стоите?» — разудалая отрешенность, отчаянное веселье, этакая деревенская победительная красавица, решившая непременно всех перепеть и переплясать сегодня.

— Каждый романс, песня для меня, как акт в опере, — говорит

Гороховская, — я очень люблю камерную музыку. В ней раскрывается возможность работать тонким пером, акварелью, филигранно оттачивать каждую вещь.

Работаю я вместе с концертмейстером Ириной Евгеньевной Головневой. И большая творческая моя удача — встреча с таким большим и тонким мастером и прекрасным чутким человеком. Она всегда побуждает меня к работе. «Ты должна сегодня петь, как никогда», — это ее постоянное напутствие. А я хочу не просто петь хорошо. Я хочу, чтобы меня понимали. Хочу заставить людей понять и почувствовать силу и глубину музыки, те прекрасные и добрые чувства, что пробуждает в нас она. Красота музыки должна быть их красотой, их достоянием.

А Ирина Евгеньевна Головнева, говоря о Гороховской, кроме ее врожденной музыкальности — «музыка у ней в крови», подчеркивает ежедневное трудолюбие, упорство, волю к победе.

В 1972 ГОДУ после победы на Всесоюзном конкурсе, вокалистов имени М. И. Глинки Гороховская должна была принять участие в Международном конкурсе вокалистов в Барселоне. Из-за болезни певица смогла приехать в Москву на отборочные испытания лишь на третий тур и по несчастливой случайности вытасила еще последний, сорок пятый номер.

А теперь представьте себе утомленную отборочную комиссию, они прослушали уже два тура вокалистов, они прослушали уже со-

рок четыре певца третьего тура. Надежды победить в таком соревновании — почти никакой.

Гороховская спела последняя, сорок пятая. И победила. И победила.

А потом был конкурс в Барселоне и победа, и золотая медаль, и звание лауреата конкурса.

Не испанскими ли впечатлениями навеяно исполнение цикла народных песен Де Фальи? В том же концерте в Малом зале, где в первом отделении прозвучали произведения ленинградских композиторов, во втором Гороховская исполнила испанскую программу на языке подлинника.

В испанских песнях Де Фальи в трактовке Гороховской — та же сдержанность, глубоко скрытая страсть, тот же хорошо управляемый, «обузданный» темперамент, который отличает ее оперных героинь Клитемнестру, Любашу («Царская невеста»), Варвару («Не только любовью» Шеллина), Прицессу Эболи («Дон Карлос» Верди), Дилону («Дидона и Эней» Пёрселла).

ГЕРОИНИ Гороховской, кто бы они ни были, всегда исполнены чувства собственного достоинства, они горды и независимы и почти всегда долг в них побеждает чувство. В этом отношении Варвара, Васильевна — «председательша» из оперы Шеллина с ее внезапно вспыхнувшей страстью к человеку, которого ей не следует любить, сумевшая подавить в себе это чувство, прямо продолжает классических героинь Гороховской.

Дилону Гороховская спела на

сцене Малого зала Филармонии. И, пожалуй, сейчас это одно из творческих достижений певицы. Актриса создает характер масштабный, мучительных страстей, сжигающих ее до конца. (И все это в условиях концертного зала, когда средства воздействия на публику — лишь голос и жест.) В отличие от античной Дидоны, взойшедшей на костер от невозможности жить без любви Энея, царица Карфагена в опере Пёрселла просто умирает от любви, когда Эней отплывает к итальянским берегам. В вершине оперы — плаче Дидоны — Гороховская открывает Дилону страдающую, покинутую и неожиданно добрую. Она не корит, не упрекает, не сулит мщения. «Ты — раб богов», — бросает Дидона Энею, когда он в раскаянии готов остаться с ней.

«Вы знаете, — говорит Евгения Станиславовна, — «Дидона и Эней» Пёрселла, по-моему, очень современное произведение по глубине и чистоте чувств, по благородству эмоций. По тому положительному нравственному заряду, который заложен в этой опере. Эти чувства, эти понятия вечны, оттого-то так и воздействуют они на слушателей».

«Я хочу, чтоб меня понимали». Но для этого нужно многое понять самой, нужно многое понять в себе и окружающем мире. Чтобы учить, нужно учиться. Чтобы так решить образы Дидоны и Клитемнестры надо прочесть Еврипида, Софокла, Эсхилла, Расина, Корнея. И неожиданно найти многие ответы у Чехова и Гоголя. И в современной поэзии. Нужно стать личностью.

Е. ХОЛШЕВНИКОВА

На снимке: Е. ГОРОХОВСКАЯ в роли Эболи («Дон Карлос»).

Фото Н. Аловерт